

Ги де Мопассан

В семье

*Часть сборника
Милый друг. Жизнь. Новеллы*

Ги д. Мопассан

В семье

«ЛитПаб»

1881

Мопассан Г. д.

В семье / Г. д. Мопассан — «ЛитПаб», 1881

«Я вошел в литературу, как метеор», – шутливо говорил Мопассан. Действительно, он стал знаменитостью на другой день после опубликования «Пышки» – подлинного шедевра малого литературного жанра. Тема любви – во всем ее многообразии – стала основной в творчестве Мопассана. Произведение входит в авторский сборник «Пышка».

*Ги де Мопассан
1850 — 1893*

Ги де Мопассан В семье

Трамвай, шедший в Нейи, только что миновал Ворота Майо и несся теперь по широкой дороге, выходявшей к Сене. Паровичок, прицепленный к вагону, гудел, чтобы устранить препятствия со своего пути, плевался паром и пыхтел, как человек, который задыхается от бега. Его поршни производили шум, словно быстро движущиеся железные ноги.

Душный зной угасающего летнего дня навис над дорогой, от которой, несмотря на отсутствие малейшего ветерка, поднималась белая меловая пыль. Густая, едкая и горячая, она липла к влажной коже, засыпала глаза, проникала в легкие.

Люди, ища прохлады, выходили на порог своих домов.

Окна в вагоне были спущены, и занавески колыхались от быстрого движения. Внутри было лишь несколько человек, в такие жаркие дни люди предпочитают ездить на имперiale или на открытых площадках. Тут были толстые дамы из предместья в безвкусовых нарядах, мещанки, напыщенной важностью заменявшие врожденное изящество, которого они были лишены, и мужчины, уставшие от своих канцелярий, с желтыми лицами, со сторбленными спинами и неровными плечами – результатом постоянной работы за письменным столом в согнутом положении. Их беспокойные и грустные лица говорили еще и о домашних заботах, о вечной нужде в деньгах, об окончательно похороненных былых надеждах, так как все они принадлежали к армии придавленных жизнью людей, кое-как прозябающих в убогих оштукатуренных домишках с одной грядкой вместо сада, среди свалочных мест, окружающих Париж.

У самой двери вагона маленький толстый человечек с одутловатым лицом и животом, свисающим между раздвинутых колен, весь в черном, с орденом в петлице, разговаривал с высоким, худым, неряшливого вида мужчиной в очень грязном костюме из белого тика и в потрепанной соломенной шляпе. Первый говорил медленно, так сильно запинаясь, что временами он казался заикой. Это был господин Караван, чиновник морского министерства. Второй, служивший когда-то врачом на торговом судне, обосновался после жизни, полной приключений, на площади Курбевуа, где применял к нищему населению еще сохранившиеся у него смутные остатки медицинских познаний. Фамилия его была Шене, и он требовал, чтобы его называли доктором. Относительно его нравственности ходили разные слухи.

Караван вел обычное существование чиновника. В продолжение тридцати лет он каждое утро неизменно отправлялся в свою канцелярию одной и той же дорогой, встречая в тот же час на том же месте одних и тех же людей, направлявшихся по своим делам. И вечером, возвращаясь домой той же дорогой, он снова встречал те же самые лица, которые с годами старели у него на глазах.

Каждый день, купив на углу предместья Сент-Оноре газету за один су и затем еще две булочки, он входил в здание министерства, как преступник в тюрьму, и быстро поднимался в свою канцелярию, с сердцем, бьющимся от тревоги, в вечном ожидании выговора за какую-нибудь оплошность, которую он, может быть, совершил.

Ничто никогда не нарушало однообразного течения его жизни, так как господина Каравана ничто не интересовало, кроме того, что касалось его канцелярии, всяких повышений и наград по службе. Как в министерстве, так и в кругу своей семьи (он женился на бесприданнице, дочери одного из сослуживцев) он говорил всегда только о служебных делах. Все мысли, все надежды, все мечты его души, как бы атрофированной ежедневной притупляющей работой, были связаны с министерством, в котором он служил. Одно только обстоятельство постоянно ущемляло его чиновничье самолюбие: зачем допускают морских комиссаров («жестянщиков», как их называли за серебряные галуны) на должности начальников и их помощников? И каждый вечер за обедом он горячо доказывал жене, разделявшей его негодование, что во всех отношениях нелепо предоставлять места в Париже людям, чье дело – плавать на море.

Он состарился, не заметив, как прошла жизнь. После учения в коллеже сразу началась служба, и школьных надзирателей, которых он прежде боялся, сменили теперь начальники, перед которыми он испытывал трепет. У порога кабинетов этих властелинов он начинал дро-

жать с головы до ног. Этим вечным страхом объяснялись его неловкие манеры, смиренный вид и какое-то нервное заикание.

Он знал Париж не больше, чем слепой нищий, которого собака его каждый день приводит к одному и тому же месту. И когда он читал в своей грошовой газетке о каких-либо происшествиях и скандалах, он их воспринимал как фантастические сказки, придуманные только для развлечения мелких чиновников. Сторонник порядка, реакционер, не принадлежащий ни к какой определенной партии, враг всяких «новшеств», он всегда пропускал статьи о политических событиях, которые, впрочем, газетка всегда искажала в угоду тем, кто за это платил. Каждый вечер, проезжая по Елисейским полям, он смотрел на шумную толпу гуляющих и непрерывный поток экипажей, как смотрит чужестранец, путешествующий по дальним, незнакомым краям.

В этом году исполнилось тридцать лет его службы, и к 1 января он получил орден Почетного легиона, которым учреждения военного ведомства вознаграждают за долгий угнетающий труд (это называется «за беспорочную службу») несчастных каторжников, прикованных к зеленым папкам. Неожиданное отличие внушило Каравану новое, высокое мнение о своих способностях и совершенно изменило его привычки и облик. Он перестал носить цветные панталоны и пестрые жилеты, заменив их черными брюками и длинным сюртуком, на котором лучше выделялась его чрезмерно широкая орденская ленточка. Из законного чувства приличия, уважения к национальному ордену, к которому он теперь принадлежал, он стал бриться каждое утро, старательно чистить ногти, менял белье каждые два дня и постепенно превращался в другого Каравана, прилизанного, величественного и снисходительного.

У себя дома он при всяком удобном случае старался вернуть слова «мой орден». Его обуяла такая спесь, что он не мог больше спокойно видеть какой бы то ни было знак отличия в петличках у других. Особенно выводили его из себя иностранные ордена; он утверждал, что их не следовало бы разрешать носить во Франции. Больше всего его раздражал доктор Шене, которого он каждый вечер встречал в трамвае с какой-нибудь ленточкой в петлице – то белой, то голубой, то оранжевой, то зеленой.

Встречаясь, эти двое людей всю дорогу, от Триумфальной арки до Нейи, разговаривали всегда об одном и том же. И сегодня, как всегда, они коснулись прежде всего местных злоупотреблений, причем оба возмущались тем, что мэр Нейи смотрит на все это сквозь пальцы. Потом, как это неизменно бывает при встрече с врачом, Караван завел разговор о болезнях, рассчитывая таким путем незаметно для доктора выудить у него несколько бесплатных советов, а то и получить целую консультацию. К тому же с некоторых пор его беспокоило здоровье матери: с нею часто случались длительные обмороки, а она, несмотря на то что ей было девяносто лет, и слышать не хотела о лечении.

Ее преклонный возраст умилял Каравана. Он беспрестанно спрашивал «доктора» Шене: – Часто вам приходилось видеть, чтобы люди доживали до таких лет?

И при этом он весело потирал руки, радуясь, быть может, не столько тому, что старушка зажилась на земле, сколько мысли, что долгая жизнь матери служит как бы залогом его собственного долголетия. Он продолжал:

– Да, в нашей семье живут долго. Вот и я уверен, что доживу до глубокой старости, если только со мной не произойдет какой-нибудь несчастный случай.

Во взгляде лекаря выразилось сожаление. С минуту он разглядывал багровую физиономию собеседника, его толстую шею, живот, свисавший на дряблые и жирные ноги, на всю его апоплексическую полноту старого расслабленного чиновника. Потом, сдвинув на затылок свою грязноватую соломенную шляпу, прикрывавшую ему голову, сказал со смешком:

– Не будьте так уверены, мой милый! Ваша мать – сухарь, а вы – налитая бочка.

Караван, расстроенный, замолчал.

Между тем трамвай подошел к станции. Собеседники вышли, и Шене предложил зайти выпить стаканчик вермута в находившееся поблизости кафе «Глоб», постоянными посетителями которого они оба были. Хозяин, их приятель, протянул им два пальца, которые они по очереди пожали над уставленной бутылками стойкой. Потом они подошли к трем любителям домино, засевшим тут с полудня. Обменялись дружескими приветствиями и неизбежным «что новенького?», после чего игроки продолжали прерванную партию. Затем вновь пришедшие пожелали им доброго вечера. Те, не поднимая головы, протянули им на прощание руки, и оба приятеля пошли каждый к себе домой обедать.

Караван жил неподалеку от площади Курбеуа в трехэтажном домике, нижний этаж которого был занят парикмахерской.

Две спальни, столовая и кухня составляли всю квартиру, в которой ветхие стулья перекочевывали по мере надобности из комнаты в комнату. Чистке и уборке этой квартиры госпожа Караван посвящала все свое время, между тем как ее двенадцатилетняя дочь Мария-Луиза и девятилетний сын Филипп-Огюст носились вдоль уличных канав вместе с мальчишками всего квартала.

В комнате над спальней Караван поместил свою мать, которая славилась скупостью во всем околотке. Так как она к тому же была очень худа, то соседи острили, что господь бог применил к ней ее собственные правила строгой бережливости. Она всегда бывала в дурном настроении, и у нее не проходило дня без ссор и взрывов бешеного гнева. Из своего окна она ругала соседей, выходявших на порог, уличных торговков, метельщиков и мальчишек, которые в отместку бегали за нею, когда она выходила на улицу, крича ей издали: «Старуха-грязнуха!»

Молоденькая служанка-нормандка, невероятно бестолковая, помогала по хозяйству и ночевала наверху у старухи – на всякий случай, чтобы не оставлять ее одну.

Когда Караван вернулся домой, жена его, одержимая хронической страстью наводить чистоту, полировала куском фланели красное дерево стульев, разбросанных по пустым комнатам. Она постоянно ходила в нитяных перчатках, носила на голове украшенный разноцветными лентами чепец, который то и дело съезжал на одно ухо, и твердила всякий раз, как ее заставляли с воском или щеткой, за утюгом или стиркой:

– Я не богата, у меня все очень скромно, но единственная моя роскошь – это чистота, и эта роскошь не уступает всякой другой.

Обладая твердым практическим умом, она во всем руководила мужем. Каждый вечер за столом, а потом в постели они подолгу разговаривали о служебных делах, и, несмотря на то что она была на двадцать лет моложе мужа, он поверял ей все, как своему духовнику, и во всем следовал ее советам.

Она и в молодости не отличалась красотой, а теперь – маленькая и сухощавая – была и вовсе уродлива. Благодаря неумению одеваться ее скудные женские прелести, которые мог бы выгодно оттенить хорошо подобранный костюм, всегда оставались незаметными. Юбки ее постоянно сползали набок; она часто почесывалась, не обращая внимания на то, где находится, и не стесняясь присутствующих. Это была нелепая привычка, граничившая с нервным тиком.

Единственным украшением, которое она себе позволяла, было обилие шелковых лент на вычурных чепчиках, которые она обычно носила дома.

Увидев мужа, она поднялась и, целуя его в бакенбарды, спросила:

– Ну как, мой друг, ты не забыл о Потене?

(Это было поручение, которое он обещал выполнить.) Но Караван упал на стул как сраженный: он опять забыл – уже в четвертый раз!

– Нет, это какой-то рок, – воскликнул он, – это какой-то рок! Ведь я думаю об этом весь день, а как наступает вечер, опять забываю!

Видя, что он удручен, жена его утешила:

– Ну ты вспомнишь об этом завтра, вот и все. Как в министерстве? Ничего нового?

– Есть большая новость: еще один «жестянщик» назначен помощником начальника.

Госпожа Караван сделалась серьезной:

– В каком отделе?

– В отделе заграничных закупок.

Она рассердилась:

– Значит, на место Рамона, то самое, на которое я рассчитывала для тебя! А как же Рамой? В отставку?

Муж пробормотал:

– Да, в отставку.

Она окончательно расвирипела, и чепец ее съехал на плечо:

– Ну с этим, видно, придется кончать, в этой дыре тебе больше нечего делать! А как зовут твоего комиссара?

– Бонассо.

Она взяла морской ежегодник, который всегда держала под рукой, и, отыскав фамилию Бонассо, прочла: «Бонассо. Тулон. Родился в 1851 г. Младший помощник комиссара в 1871 г. С 1875 г. – помощник комиссара».

– А в плавании он когда-нибудь был, этот комиссар?

Ее вопрос развеселил Каравана. У него даже живот затрясся от смеха:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.